
*Отрывки изъ Кавказскаго плѣнника.
Первое свиданіе Черкешенки съ плѣнникомъ.*

Ужь меркнешѣ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гуль:
Сѣ полей народѣ идешѣ въ ауль,
Сверкая сѣшпыми косами.
Пришли, въ домахѣ зажглись огни,
И поспешенно шумѣ нестройной
Умолкнулъ; все еѣ ночной пѣни
Объяшо нѣгою спокойной;
Вдали сверкаешѣ горный ключѣ,
Сбѣгая сѣ каменной спремнины;
Одѣлись пеленою шучѣ
Кавказа спящія вершины. . .
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины,
Идешѣ, украдкою спупая?
Очнулся Русской. Передѣ нимѣ,
Сѣ привѣтомѣ нѣжнымѣ и нѣмымѣ,
Споишѣ Черкешенка младая.
На дѣву, молча, смотришѣ онѣ,
И мыслишѣ: „Эпо лживый сонѣ,
Успалыхѣ чувствѣ игра пустая!“

Луною чупь озарена ,
 Сь улыбкой жалоспи опрадной
 Колѣна преклонивъ, она
 Къ его устамъ кумысъ прохладной
 Подноситъ пихою рукой. —
 Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
 Онъ ловитъ жадною душой
 Пріятной рѣчи звукъ волшебный
 И взоры дѣвы молодой.
 Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ ;
 Но взоръ умильный, жаръ ланищъ,
 Но голосъ нѣжный говоритъ :
 Живи!—и пупникъ оживаетъ.
 И онъ, собравъ оспапокъ силъ,
 Велѣнью милому покорной,
 Привспалъ, и чашей благопворной
 Томленье жажды упоилъ.
 Попомъ на камень вновь склонился
 Опягощенною главою ;
 Но все къ Черкешенкѣ молодой
 Угасшій взоръ его спремился.
 И долго, долго передъ нимъ
 Она, задумчива, сидѣла ;
 Какъ бы участіемъ нѣмымъ
 Утѣшитъ плѣнника хопѣла ;
 Успа невольно каждый часъ
 Сь начашой рѣчью открывались ;

Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

Посѣщеніе Черкешенки.

За днями дни прошли, какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у спада,
Проводишь плѣнникъ каждый день.
Пещеры темная прохлада
Его скрываетъ въ лѣпній зной;
Когда же рогъ луны серебристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, пропой плѣнницей,
Приносишь плѣннику вино,
Кумысъ, и ульевъ сотъ душистой
И бѣлоснѣжное пшено.
Съ нимъ пайный ужинъ раздѣляетъ;
На немъ покоится нѣжный взоръ ;
Съ неясной рѣчью сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ ;
Поетъ ему и пѣсни горъ
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти неперпѣливой
Передаешь языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;

Но Руской жизни молодой
 Давно упрасилъ сладоспраспье :
 Не могъ онъ сердцемъ опвѣчать
 Любви младенческой , опкрышой ; —
 Бынь можешъ, сонъ любви забышой
 Боялся онъ воспоминашь.

Описание Кавказа.

Казалось—плѣнникъ безнадежный
 Къ унылой жизни привыкалъ.
 Тоску неволи, жаръ мяшежный,
 Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
 Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
 Въ часъ ранней, упренней прохлады,
 Остановлялъ онъ долго взоръ
 На опдаленныя громады
 Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣпныя каршины!
 Престолы вѣчные сѣговъ !
 Очамъ казались ихъ вершины
 Недвижной цѣпью облаковъ,
 И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
 Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
 Предпеча бури, громъ гремѣлъ,
 Какъ часпо плѣнникъ надъ ауломъ,
 Недвижимъ, на горѣ сидѣлъ!
 У ногъ его дымились пучи,
 Въ степи взвивался прахъ лешучій;
 Уже приюпа между скалъ
 Елень испуганный искалъ;
 Орлы съ утесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ шабуновъ, мычанье спадъ
 Ужъ гласомъ бури заглушались. . . .
 И вдругъ на дома дождь и градъ,
 Изъ пучъ, сквозь молній извергались.
 Волнами роя крупизны,
 Сдвигая камнѣ вѣковые,
 Текли потоки дождевые, —
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за пучей громовою,
 Возврата солнечнаго ждалъ,
 Недостигаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радостью внималъ.

Описание образа жизни Горцевъ.

Межь Горцевъ, плѣнникъ наблюдалъ
 Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
 Любилъ ихъ жизни простоту,
 Госпепрїимство, жажду брани,
 Движеній вольныхъ быспрошу,
 И легкость ногъ, и силу длани;
 Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
 Какъ иногда Черкесъ проворной,
 Широкой степью, по горамъ,
 Въ космашой шапкѣ, въ буркѣ черной,
 Къ лукъ склонясь, на спремена
 Ногою спройной опираясь,
 Лешалъ по волъ скакуна,
 Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
 Онъ любовался красотой
 Одежды бранной и простой.
 Черкесъ оружіемъ обвѣщенъ;
 Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
 На немъ броня, пицаль, колчанъ,
 Кубаньскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
 И шашка, вѣчная подруга
 Его трудовъ, его досуга.
 Ничто его не шягошитъ,
 Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
 Все пошъ же онъ; все пошъ же видъ

Непобѣдимый, непреклонный.
 Гроза безпечныхъ козаковъ,
 Его богатство — конь решивый,
 Пишомецъ горскихъ шабуновъ,
 Товарищъ вѣрный, перѣблывый.
 Въ пещерѣ иль правѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ паишся,
 И вдругъ, внезапною спрѣлой,
 Завидя пушника, спремится;
 Въ одно мгновенье вѣрный бой
 Рѣшитъ ударъ его могучій,
 И спраника въ ущелья горъ
 Уже влечетъ арканъ лепучій.
 Спремится конь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной отваги;
 Все пушь ему: болото, боръ,
 Кусты, ушесы и овраги;
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 Въ пусынь попошъ раздается;
 Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
 Онъ въ глубь кипящую несетъ;
 И пушникъ, брошенный ко дну,
 Глошаетъ мупную волну,
 Изнемогая, смерти проситъ
 И зрѣтъ ее передъ собой. . .
 Но мощный конь егс — спрѣлой
 На берегъ пѣнистый выноситъ.
 Иль ухвативъ рогатый пень,

Въ рѣку низверженный грозою ,
 Когда на холмахъ пеленою
 Лежишь безлунной ночи тѣнь,
 Черкесъ на корни вѣковые
 На вѣшви вѣшаешь кругомъ
 Свои доспѣхи боевые ,
 Щишь, бурку, панцырь, и шлемъ,
 Колчанъ и лукъ—и въ быспры волны
 За нимъ бросается попомъ
 Неушомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветъ;
 Могучій шокъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склонясь на копья, козаки
 Глядяшь на темный бѣгъ рѣки —
 И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плышетъ оружіе злодѣя. . .
 О чемъ ты думаешь, козакъ?
 Воспоминаешь прежни биввы ,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молишвы
 И родину? . . Коварный сонъ!
 Проспите, вольныя спаницы ,
 И домъ опцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ шайный врагъ,
 Стрѣла выходитъ изъ колчана —

Взвилась — и падаетъ козакъ
 Съ окровавленнаго кургана.
 Когда же съ мирною семьей
 Черкесъ въ опеческомъ жилищѣ
 Сидитъ ненапнуою порой
 И плѣютъ угли въ пепелищѣ ;
 И спрянувъ съ вѣрнаго коня ,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый ,
 Къ нему войдетъ пришлецъ успалый
 И робко сядетъ у огня :
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣтомъ, ласково, вспааетъ
 И гостю, въ чашѣ благовонной,
 Чихирь оспрадный подаетъ.
 Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной
 Вкушаетъ пушникъ мирный сонъ ,
 И упромъ оставляетъ онъ
 Ночлега кровъ гостепрїимной.

Бывало, въ свѣшлый Баиранъ,
 Сберутся юноши толпою ;
 Игра смѣняется игрою:
 То полный разобравъ колчанъ,
 Они крылапыми спрѣлами
 Пронзаютъ въ облакахъ орловъ ;
 То съ высоты крупныхъ холмовъ
 Неперпѣливыми рядами,
 При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
 Какъ лани землю поражаютъ,

Равнину пылью покрываютъ
 И съ дружнымъ шопошомъ бѣгутъ.
 Но скученъ миръ однообразной
 Сердцамъ рожденнымъ для войны;
 И часто игры воли праздной
 Игрой жестокой смущены.
 Не рѣдко шашки грозно блещутъ
 Въ безумной рѣзвости пировъ,
 И въ прахъ лепятъ главы рабовъ,
 И жены робкія препещутъ.

Признаніе Черкешенки.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
 Воспорги сердца, жизни сладость!
 Твой огненный невинный взоръ
 Высказывалъ любовь и радость.
 Когда швой другъ во шмѣ ночной
 Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
 Сгарая нѣгой и желаньемъ,
 Ты забывала міръ земной,
 Ты говорила: „плѣнникъ милый,
 Развесели свой взоръ унылый,
 Склонись главой ко мнѣ на грудь,
 Свободу, родину забудь.
 Скрывашься рада я въ пустынь

Съ побою, царь души моей !
 Люби меня; никто донинѣ
 Не цѣловалъ моихъ очей;
 Къ моей постелѣ одинокой
 Черкесъ молодой и черноокой
 Не крался въ пишинѣ ночной ;
 Слыву я дѣвою жестокой,
 Неумолимой красой.
 Я знаю жребій, мнѣ гоповый:
 Меня опецъ и брагъ суровый
 Немилому продать хопяшъ
 Въ чужой аулъ, цѣною злата ;
 Но умолю опца и брапа ;
 Не по—найду кинжалъ иль ядѣ.
 Непоспѣжимой, чудной силой
 Къ тебѣ я вся привлечена ;
 Люблю себя, невольникъ милой ,
 Душа побой упоена. . .“

Но онѣ, съ безмолвнымъ сожалѣньемъ,
 На дѣву спрашную взиралъ,
 И полный, тяжкимъ размышленьемъ,
 Словамъ любви ея внималъ.
 Онѣ забывался: въ немъ пѣснились
 Воспоминанья прошлыхъ дней,
 И даже слезы изъ очей
 Однажды градомъ покапились.
 Лежала въ сердцѣ, какъ свинецъ ,
 Тоска любви безъ упованья.

Предъ юной дѣвой, наконецъ,
Онъ изліялъ свои спрданья.

А. Пушкинъ.

В а с и л е к ъ.

Въ глуши разцвѣтшій василекъ
Вдругъ захирѣлъ—завялъ почти до половины,
И голову склоня на спелекѣ,
Уныло ждалъ своей кончины.
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
„Ахъ! если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть можешъ, и меня оно бы оживило.“ —
„Ужъ какъ ты просишь, мой другъ!
Ему сказалъ вблизи копаясь, жукъ.
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣшь, какъ ты раснешъ,
И вянешъ ты, или цвѣтнешъ?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На эшо нѣтъ.
Когдабъ ты могъ лешать, да зналъ бы болѣ
свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплошой
Огромные дубы и кедръ согрѣваетъ,